

О РАЗНОРОДНОСТИ ФОРМ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ И ИХ ЯЗЫКОВОМ, РЕЧЕВОМ, ТЕКСТОВОМ СТАТУСЕ

В статье рассматриваются отношения «язык — речь — текст» в связи с генезисом понятийной пары «язык — речь», с одной стороны, и конкретикой способов передачи чужой речи — с другой. В качестве базовой описывается четырехкомпонентная модель, отражающая соотношенность реальности речевого континуума и лингвистических конструктов языка, речи и текста; при этом в качестве методологической выступает системоделятельная оппозиция «реальности действия» и «действительности мышления». Квалификация языкового, речевого и текстового статуса способов передачи чужой речи происходит посредством взаимосоотнесения трех основных параметров: наличия у каждой сферы собственной содержательной задачи, ведущего принципа ее реализации, соответствующей специфической модели, типовой формы чужой речи.

Понимание «чужой речи» (ЧР) как объекта лингвистического исследования, традиционно связанное с границами грамматических категорий и форм, претерпевает изменение, которое можно обозначить как поворот к пониманию ее коммуникативной природы. Современный этап исследования феномена ЧР отличается как разнородностью языковых сфер, с которыми соотносится данное явление, так и многоплановостью лингвистических понятий, в рамках которых оно описывается (концепции прецедентности, интертекстуальности, диалогичности, референтности,

текстообразования, металингвистической трактовки и др.).

Возникающая широкая зафиксированность «фактов» чужой речи — на уровне речевого высказывания и текста, монологической и диалогической речи, стилевой вариативности и в сфере художественного текста, на уровне синтаксиса, морфологии, грамматикализации частиц, пунктуационных и интонационных средств — и используемый разветвленный понятийный аппарат позволяют увидеть языковое явление ЧР с различных точек зрения, выделить наиболее общие перспективные вопросы и идеи, связанные с его изучением.

Однако понятийно-терминологическая разрозненность параметров описания ЧР, а также то, что ее проблематика лишь включается в более общие концептуальные описания других (смежных) языковых явлений, свидетельствуют об отсутствии собственно концепции «чужой речи» как таковой. Неоднородность как самих фиксируемых языковых фактов ЧР, так и лингвистических понятий, их описывающих, приближается к «критической массе» и требует теоретического осмысления сферы ЧР с точки зрения ее целостности, под которой понимается наличие концептуальных оснований описания, позволяющих интерпретировать наиболее широкий круг фактов структуры, семантики, функционального потенциала ЧР, взятых в аспектах языка / речи / текста, статики / динамики, языковой компетенции и других наиболее важных параметров лингвистического исследования. К аспектам, обеспечивающим понимание системных отношений явления ЧР, относятся категории языка — речи, сама интерпретация которых претерпевает в их понятийном генезисе значительные изменения: излагаемая в нашем случае трактовка опирается на развитие представления о триаде «язык — речь — текст» и понятие «речевого континуума» как соотносимого четвертого компонента моделируемой системы.

Прежде чем переходить к описанию собственно форм ЧР, обозначим основания, на которых противопоставляются сами сферы языка, речи, текста и на которых формируется четырехкомпонентная модель, отражающая соотношенность реальности «неостановленного» речевого континуума и лингвистических конструктов языка — речи — текста. Такое представление во многом только складывается, является новым и, входя в

определенные противоречия с традиционно сложившимся пониманием языка / речи, актуализирует внимание собственно к генезису данной понятийной оппозиции.

Современное развитие теории текста и теории речи, выделившее тот и другой феномен в самостоятельные объекты исследования, изменили их статус, причем не только лингвистический (что нашло отражение, например, в Словаре культуры 20 века: см. статьи «Текст» и «Лингвистика устной речи»)¹. Внедрение в дихотомические отношения третьего компонента — текста — влечет за собой переосмысление каждого из компонентов триады, а также основ лингвистической традиции, в которой происходит развитие данных понятий.

Существующие интерпретации языка и речи касаются понимания их отношений как «мыслимого и обдуманного» («В переходе от мыслимого в представлении, то есть от языка, к выражению обдуманного, то есть к речи, наблюдается переход от интеграла к дифференциалу: от всей потенции, данной сразу человеческому мышлению, к реализованной части, произведенной в конкретный момент необходимости и подчиняющейся этой моментности»², «сущности и явления» и др. Общим является представление о глубинности (глубинном уровне) языка по отношению к речи как к некоторому поверхностному образованию.

Одно из распространенных (в особенности для «массового» лингвистического сознания, во многом формируемого вузовскими учебниками) представлений об отношениях «языка — речи» выражается следующим образом: «Язык — средство общения, существующее в сознании целого народа; в этом смысле он — абстракция, его нельзя услышать или увидеть. Речь (воплощающаяся в тек-

стах) — реализация языка, она материальна и конкретна. Ее можно произнести, услышать, описать с исчерпывающей полнотой. Каждая единица языка имеет свое соответствие, своего «представителя» в речи»³. Как видим, для данного рода представлений характерны, во-первых, отождествление (склеивание) речи и текста, на что исследователями лингвистики текста внимание обращалось, а также, во-вторых, противопоставленность речи как *реального речевого континуума* и речи как *моделируемого лингвистического конструкта*. Оба эти момента, делая «речь» наиболее нагруженным, лишенным внутренней дифференциации понятием, имеют ряд следствий для понимания в целом как отношений «язык — речь», так и отношений «язык — речь — текст».

Совмещение, неразличение самого исходного речевого континуума (реально протекающей речевой деятельности) и моделируемых на его основе лингвистических конструктов (речевых, языковых, текстовых, возможных других) не только создает ряд понятийных и терминологических трудностей. Дело в самом взгляде на язык, обусловленном *натуралистическим подходом*, который «исходит из того, что исследователю уже дан объект его рассмотрения, что он сам как исследователь противопоставит этому объекту и применяет к нему определенный набор исследовательских процедур и операций, которые и дают ему, исследователю, знания об объекте. Эти знания представляют своего рода трафареты, шаблоны или схемы, которые мы накладываем на объект и таким образом получаем его изображение, а вместе с тем вид и форму самого объекта»⁴.

С этой точки зрения показательно, что, анализируя концепцию Ф. де Сос-

юра и его триаду *langage — langue — parole*, исследователи в качестве наиболее сложных выделяют именно первый и последний компоненты триады. Так, Н. А. Слюсарева обсуждает сложность, неоднозначность понимания первого члена триады и соответствующего понятийно-терминологического эквивалента «языковой деятельности» в отличие от ставшего в подобных интерпретациях традиционным понятия «речевой деятельности»⁵. А. А. Реформатский выделяет другую «болеву» точку триады: «Самое трудное определить, что такое р е ч ь. Прежде всего это не язык и не отдельный речевой акт. <...> В непосредственном наблюдении лингвисту дан речевой акт (будь то звучащий разговор или печатный текст) так же, как психологу и физиологу, но, в отличие от последних, для которых речевой акт и речь являются конечным объектом, для лингвиста это лишь отправной пункт. Лингвист должен, так сказать, «остановить» данный в непосредственном наблюдении процесс речи, понять «остановленное» как проявление языка в его структуре, определить все единицы этой структуры в их системных отношениях и тем самым получить вторичный и конечный объект лингвистики — язык в целом...»⁶. Интересно, что сам автор, говоря в начале процитированного отрывка о речи и трудности ее определения («речь — это не язык и не отдельный речевой акт»), в конце этого рассуждения соотносит лишь «язык в целом» и «речевой акт» — вне их соотносительности с понятием «речь». Либо утрачивая само это понятие (что менее вероятно), либо отождествляя, «склеивая» его с одним из двух других понятий (вероятно, со вторым). Причиной подобных склеек, отождествлений, ведущих к неоднозначности понятийно-терминологических ин-

терпретаций, в данном случае является не только сложность самих понятий, но и неосознанность, неоговоренность различения исходного речевого континуума (реальности речевой деятельности) и моделируемых на ее основе лингвистических конструктов (мыслительной действительности) — различия, носящего не собственно лингвистический, а общеметодологический характер (в качестве ключевой в данном случае выступает оппозиция, обозначаемая в методологии системодействительностного подхода (Г. П. Щедровицкий) как оппозиция «реальности действия» и «действительности мышления»). Склеивание двух этих по сути различных сфер (характерное и для описания ЧР, с регулярно происходящим отождествлением реальности «первичного сообщения» и собственно вводимого компонента чужой речи КЧР) во многом обусловлено непреодоленностью в лингвистическом мышлении натуралистической парадигмы изучения языка.

Исходя из сказанного, необходимо еще раз подчеркнуть, что «язык в целом» может быть представлен при помощи модели описания реальности речевой деятельности, в которой сферы языка, речи, текста находятся между собой во взаимосвязанных и в то же время самостоятельных — парадигматических — взаимосвязях по отношению к исходному речевому континууму как к некоторому еще «не остановленному» объекту — логически необходимому четвертому звену, входящему в круг оппозиций моделируемой системы. А. Ф. Лосев в изложении «диалектики тетрактиды» говорит о необходимости выделения четвертого начала по отношению к триаде категорий *одного, иного, сущего*: «необходимое диалектическое условие <...> для всей триады есть то, что мож-

но назвать *наличностью, фактом, реальностью, субстанцией, телом, массой, наличным фактом*. <...> Без него вся диалектика повисла бы в воздухе и была бы только срисованной картиной и отпечатанной копией действительности, а не самой действительностью и не реальным фактом. Это есть то, во что воплощается смысл — *тело* смысла, *факт* сущности, *действительность* осмысления»⁷ (выделено автором). Такое представление меняет традиционно сложившуюся картину соотношения языка / речи.

В соответствии с представлением о лингвистической триаде «язык — речь — текст»^{8,9}, между компонентами этой триады устанавливаются внутренние не иерархические, а взаимодействующие отношения. Попробуем проанализировать, на каких основаниях происходит выделение трех данных сфер, что представляет собой каждая из них. Моделирование сфер языка, речи, текста по отношению к синтаксической системе происходит на основе наличия у каждой сферы (а) собственной, специфической содержательной задачи, (б) соответствующих принципов ее реализации, (в) специфических моделей.

(а) Обладание собственной, специфической содержательной задачей является важнейшим, исходным основанием для противопоставления языковой, речевой, текстовой сфер. Содержательная задача речевой и текстовой сфер обозначается как выражение «*актуального смысла*» и «*концептуально значимого смысла*» соответственно. Содержательная задача языковой сферы, в отличие от сфер речи и текста, связана с выражением неактуализованной семантики. Вероятно, применительно к языку необходимо говорить о выражении «*категориального значения*» как обобщенного образа потенциальной ситуации, выраженного в

синтаксических категориях данного языка.

(б) В качестве ведущего, с точки зрения выражения актуального смысла, в сфере речи выделяется принцип коммуникативной перспективы (обязательное членение высказывания на тему и рему). Для текста в качестве базисного необходимо назвать принцип «неразрывного и облигаторного взаимодействия тематической перспективы и интегральной семантической структуры»¹⁰. Это взаимодействие дополняет также композиционная составляющая внутренней организации текстовой формы, особенно ярко проявляющаяся в текстовых формах с ЧР. Текстовый принцип обозначается автором так же, как *структурный принцип матрицы текстовой формы*¹¹.

В языковой сфере ведущим является *принцип субъектно-предикатной структуры*, отражающий двуплановость связи предложения с «объективным миром» и одновременно с «процессами мышления»: «Семантико-синтаксическая структура предложения, сопрягающая предикативно словоформы со значением деятеля и его действия, субъекта состояния и его состояния, предмета и его признака и др., — реализует план связи предложения с действительностью и одновременно конкретизирует план связи с мышлением»¹². Данный принцип является основой формирования и выражения категориального синтаксического значения как содержательной задачи языковой сферы.

(в) Специфическими синтаксическими моделями языка, текста, речи соответственно являются структурно-семантические модели предложения; модель текстовой формы; речевые модели высказывания. Последнее понятие наименее разработано в современной лингвистике. Анализируя лингвистиче-

ские подступы к описанию синтаксической системы речи, М. Я. Дымарский пишет, что модели речевых высказываний характеризуются «жесткой соотносительностью лексических единиц с собственно синтаксической конструкцией, фиксированной интонацией, семантикой и прагматикой, что в совокупности и образует реальную синтаксическую модель речи»¹³. Среди обозначенных автором структурных типов высказывания — а) высказывания, представляющие собой речевую реализацию предложения; б) высказывания, представляющие собой речевые клише и полностью утрачившие связь с языковыми моделями предложения; в) высказывания, занимающие промежуточное место между «а» и «б» и характеризующиеся вариативной соотносительностью с гиперпредложением¹⁴, — именно два последних составляют специфику моделей речевой сферы и со всей очевидностью обнаруживают ее автономность и самоценность.

Опираясь на обозначенные основания для описания языковой, речевой, текстовой сфер, выделим принципы квалификации форм передачи ЧР как языковых, речевых или текстовых моделей. Наша задача состоит не столько в классификации форм ЧР, сколько в создании оснований для нее

Текстовые модели ЧР.

То, что реализация способов передачи ЧР может выходить за пределы высказывания и образовывать сверхфразовые построения¹⁵, отмечалось уже исследователями структурно-грамматического направления. Эти наблюдения делались, главным образом, в связи с несобственно-прямой речью (НСПр), а также в связи с другими подобными явлениями, относящимися к периферии поля ЧР в силу утраты жестких грамматических показателей границ своего и чужого.

Специальным образом текстовый потенциал и текстообразующие функции ЧР (главным образом — конструкции с прямой речью (КПР)) исследовались в связи с инициированием идеи о «текстовой природе» КПР, «текстовой зоне» реализации КПР и ее высоком текстовом потенциале, о КПР как «композиционно-семантической категории»¹⁶.

Однако отдельным предметом изучения система текстовых форм ЧР до сих пор не выступала. Характер и задачи лингвистических работ, если и были связаны с текстом, то скорее могли бы обозначаться как «ЧР в тексте», поскольку были связаны с исследованием тех или иных особенностей самой ЧР, функционирующей в тексте, а не с текстовыми формами ЧР как таковыми. Такое положение дел определялось как спецификой разработки лингвистической проблематики ЧР, так и в еще большей степени уровнем развития лингвистики текста, становлением ее теории. В этом отношении рубежной явилась цитируемая выше монография М. Я. Дымарского «Проблемы текстообразования и художественный текст», в которой с введением, определением и уточнением таких ключевых понятий теории текста, как текстовая форма, текстовая единица, система единиц текстообразования, а также с введением предложенной методики выделения и анализа сложного синтаксического целого текстовая теория стала действенным инструментом, позволяющим интерпретировать новые лингвистические реалии, в том числе связанные с ЧР.

Основаниями для выделения текстовых форм ЧР является то, что пределами реализации понятийной оппозиции «свое — чужое» и пределами функционирования ЧР регулярно оказываются формы текстового типа, организующие-

ся на основе структурного принципа матрицы текстовой формы и выражающие концептуально значимый смысл, связанный с отношениями свое / чужое. Прежде всего, речь идет о сложном синтаксическом целом (ССЦ). Приведем примеры:

(1) *Говорят, что у слепых недостаток зрения вознаграждается усилением других чувств. Не от того ли и мысли зрячего делаются сильнее ночью, когда он не видит обыкновенными и должен смотреть душевными глазами? Многие предприятия обдумываются ночью. Это, может быть, не только для тайны, но и для того, что человек, в темноте, лучше размышлять может* (Н. И. Тургенев, из письма П. Я. Чаадаеву).

(2) *Честертон настаивает на том, что главное, «чтобы человек, попросту сидящий в кресле, вдруг понял, что живет, и стал счастлив». «Все прекрасно по сравнению с небытием», — уверяет Честертон. Это красивая мысль. Она меня прельщает. Но есть в ней что-то от викторианской холености.*

Честертон умер в 1936 году. Он видел еще не все, но многое видел; у него брат погиб на войне четырнадцатого года. И все же девятнадцативечное (вероятно, иллюзорное) чувство безопасности.

Они не понимали, что бывает существование — например, лагерное существование миллионов, — которое хуже небытия, которое от перехода в небытие удерживает только темный, дремучий инстинкт жизни (Л. Гинзбург «Человек за письменным столом»).

(3) *Рассуждения Гессе о Достоевском. Гессе считает, что все темное, бессознательное, неразборчивое и хаотическое — это Азия. Наоборот, самосознание, культура, ответственность, ясное разделение дозволенного и запрещенного — это Европа. Короче, бессознательное — это Азия, зло. А все сознательное — Европа и благо.*

Гессе был наивным человеком прошлого столетия. Ему и в голову не при-

ходило, что зло может быть абсолютно сознательным. И даже — принципиальным (С. Довлатов «Записные книжки»).

При всем разнообразии текстовых моделей ЧР необходимо представить основные признаки отнесения той или иной формы передачи ЧР к статусу текстовой.

Текстовые способы презентации отношений свое / чужое представляют собой содержательные способы заполнения «матрицы сложного синтаксического целого, образуемой — по горизонтали — коммуникативно-синтаксическими позициями тем и рем высказываний и — по вертикали — собственно рядом высказываний»¹⁷. Если сам принцип образования матрицы текстовой формы является принципом структурным, то содержательное наполнение матрицы, в данном случае — семантическими отношениями «свое / чужое», образует встречное движение. Взаимодействие структурного принципа организации текстовой формы и типов содержательного заполнения матрицы составляет текстовый способ презентации отношений свое / чужое и соответственно порождает модели текстовых форм, построенных на основе развертывания отношений свое / чужое.

В чем состоит содержательный компонент заполнения матрицы и что формирует модели ССЦ при развертывании отношений «свое — чужое»? Можно выделить следующие содержательные уровни заполнения матрицы.

1. Композиционный уровень, связанный с заполнением «вертикали» матрицы текстовой формы. Исходным параметром является последовательное расположение предикативных единиц «от первой к последней» на вертикали матрицы. Композиционно значимыми позициями текстовой формы выступают

инициальный — финальный тип расположения «чужого».

С позиции этого уровня могут выделяться два противоположных типа ССЦ. 1) ССЦ, в котором инициальная позиция представлена КЧР (или исключительно чужой речью — по типу цитаты, без какого-либо ввода), а конечная позиция представляет блок «своего» и в этом отношении противостоит инициальному-«чужому». Такое ССЦ строится по типу: инициальное-«чужое» — финальное-«свое». 2) Противоположный тип ССЦ строится по принципу: инициальное-«свое» — финальное-«чужое». Оба типа могут быть представлены как вариантами, связанными со способами презентации блоков «своего и «чужого», так и промежуточными типами, связанными с более частными характеристиками места и способа расположения «чужого» на вертикали матрицы. Таким образом, предметом композиционного параметра описания является ответ на вопрос: что находится в инициальной / финальной позиции — «свое» или «чужое»; где находится «чужое» относительно композиции текстовой формы.

2. Тема-рематический уровень, связанный с заполнением горизонтали матрицы текстовой формы. Данный уровень устанавливает отношения между компонентами своего / чужого, с одной стороны, и темой / ремой, с другой стороны. Понятие «темы» здесь соотносится с содержанием «темы текста» — тематической доминанты текста. Понятие «ремы» — с рематической доминантой текста (Г. А. Золотова). По отношению к тема-рематической перспективе текста «свое» и «чужое» могут распределяться различным образом: статус «своего» и «чужого» может быть тематическим или рематическим. С этой точки зрения выделяются две противо-

положительные модели ССЦ: одна характеризуется тематической природой «чужого», введенного в инициальной позиции, и его постепенным вытеснением рематическим-«своим» к концу текстовой формы. Другая модель, напротив, в качестве рематического компонента имеет «чужое», «свое» же характеризуется признаками тематического происхождения. Между этими двумя типами ССЦ находится целый ряд промежуточных моделей: чужое может вводиться рематически и затем вытесняться в тему; «чужое» может лишь частично вытесняться в тему или же только формально оставаться в позиции ремы. Можно сказать, что распределение своего и чужого по горизонтали матрицы составляет каждый раз определенного типа «рисунок», на основе которого дифференцируются различные модели ССЦ. Однако этот рисунок имеет отношение и к вертикали матрицы, так как неизбежно соотносится с композиционными позициями — содержательно, тематически, уточняя их.

3. Уровень логико-смысловых медиаторов — глубинных текстовых макросвязок, представляющий блок собственно «отношений свое / чужое». К этому уровню применим образ «диагонали матрицы» — той текстовой логико-смысловой макросвязки, которая в структуре матрицы стягивает одновременно инициальное / финальное, тематическое / рематическое и свое / чужое. Логико-смысловая макросвязка организует отношения «своего» и «чужого» внутри текстовой формы и составляет специфику развертывания именно этого типа категориальных отношений.

При выявлении медиатора матрицы важнейшим становится различие глубинного и поверхностного уровней текста и выявление логико-смыслового свя-

зочного инварианта на глубинном уровне текстовой структуры. В каких логико-смысловых отношениях находятся «свое» и «чужое», по какому принципу они связаны между собой в пределах данной текстовой формы, — эти вопросы являются главными для анализа данного уровня. Тот или другой тип медиатора обнаруживает определенный принцип построения текстовой формы и вместе с двумя другими характеристиками дифференцирует тип ее модели.

Ядро медиаторов (глубинных текстовых макросвязок) составляют:

N-1 (ч.) есть N-1 (св.);

N-1 (св.) есть N-1 (ч.);

N-1 есть Не только N-1 (ч.), но и N-1 (св.);

Если N-1 есть N-1 (ч.), то N-1 есть N-1 (св.);

N-1 есть Не N-1 (ч.), а N-1 (св.).

Необходимо дать комментарий к данному типу используемых формул. N-1 — обобщенно-условное обозначение принятого «именительного имени», за которым подразумевается не столько данная форма, сколько логическая позиция субъекта / предиката, коммуникативно выделенного в основной компонент темы / ремы. В скобках даны сокращенные пометы принадлежности к «своему» или «чужому» слову. (Смыслы «своего» и «чужого» актуализируются по отношению друг к другу.) Таким образом, формула задается 1) типом синтаксической структуры, 2) местом в ней компонентов «чужого» / «своего», определяемых логическими и коммуникативными параметрами — принадлежностью к позиции субъекта / предиката и к позиции темы / ремы.

Эти и возможные другие типы связочных компонентов глубинного уровня на поверхностном уровне текста представлены синтаксически (конструкциями простого, сложного, осложненного

предложения), морфологически (союзами, грамматикализованными частицами), лексически.

Еще раз подчеркнем, что способы выражения логико-смысловых отношений на глубинном и поверхностном уровнях могут не совпадать в своем словесно выраженном обозначении. Поэтому дальнейшая исследовательская задача может состоять в выявлении как самих логико-смысловых макросвязок-медиаторов, так и того спектра языковых форм, которыми может быть представлена каждая из них в тексте.

Таким образом, типы описываемых текстовых моделей формируются на основе взаимодействия основных уровней заполнения матричной структуры текстовой единицы. Каждый из этих уровней является параметром описания модели текстовой единицы, в своем взаимодействии они составляют необходимые и достаточные условия для дифференциации текстовых моделей «свое — чужое» и описания их системы.

В приведенных выше примерах (2) и (3) текстовая форма (при имеющихся различиях) — одного и того же типа. С композиционной точки зрения «чужое» и «свое» занимают в ней соответственно инициальную и финитную позиции. С точки зрения коммуникативной перспективы и тема-рематической организации данных текстовых форм можно наблюдать единую картину: рема «чужое» преобразуется в рему-«свое» (при их содержательной соотносительности). В том и другом случае «чужое» и «свое» взаимодействуют на основе медиатора «Не только... / Но и...», являющегося глубинной логико-смысловой основой данного типа отношений «свое — чужое», их макросвязкой.

В данном случае мы не рассматриваем вопросы, связанные с соотносительно-

стью типа текстовой формы и типа текстового содержания, что является отдельным предметом исследования. Здесь для нас важно обозначить параметры, позволяющие выделять и описывать текстовые формы ЧР, так же как и речевые и языковые формы.

Речевые модели ЧР.

Обратимся к примеру. Следующая конструкция с прямой речью *Поэт: — Ты, — говорит, — и такая, и этакая, и вообще, — говорит, — не желаю больше с тобой дела иметь* воспринимается весьма абсурдной в синтаксическом и логическом отношении — до тех пор, пока не объявляется имя автора — М. Булгаков, его произведение: «Неделя просвещения (Простодушный рассказ)», жанр — сатирические рассказы и фельетоны. Введенный контекст изменяет восприятие, не снимая, однако, вопросов о том, что представляют собой подобные достаточно регулярные в разговорной речи построения с «говорит» и как они возможны.

Ведущей характеристикой выделенной речевой модели чужой речи является функционирование в ней (на основе КПР) компонента «говорит», специфическими признаками которого являются невозможность / неадекватность трансформации «говорит» в «сказал» («я сказал») и другие синонимичные; ядерность форм «говорю» и «говорит» (в отличие от «говорит» и «говорят», выделенных в «Русской грамматике»¹⁸, соотношенность их лица с вводящим прямую речь глаголом; настоящее время, в отличие от возможного прошедшего во вводящем глаголе, и отсутствие модально-временной парадигмы; интер- и постпозиции (последняя — реже) в КПР; функция актуализации рематического компонента в интерпозиции; отсутствие сочетаемости слева («я») — абсолютное, справа («ко-

му», «о чем», др.) — за отдельными исключениями; в устной речи фонетическое стяжение: *грю, grit* — вместо «говорю», «говорит»; а также специфический интонационный рисунок.

Описание речевых моделей ЧР — самостоятельный, мало разработанный аспект изучения ЧР. В то же время современный этап ее изучения, как и языка в целом, характеризуется вниманием именно к разговорной, диалогической речи, за счет чего собственно репликовая форма, становясь объектом исследования, получает многогранное описание, по сути — на уровне речевой модели. Так, к речевым моделям ЧР с полным основанием можно отнести «почему-реплики» и другие «цитатные вопросы», «парную цитацию пересечения», «парную цитацию неодобрения» и другие типы речевых структур, выделяемые автором¹⁹. В связи с этим необходимо назвать работы, создающие базу для описания речевых моделей ЧР: это исследование прагматических типов НСПР (И. В. Труфанова)²⁰, описание коммуникативных параметров структурирования разговорного диалога, функционирования речевых структур в зависимости от «режима диалоговедения» (И. Н. Борисова)²¹, а также типология коммуникативных структур как собственно лингвистическая основа для описания речевых моделей (Т. Е. Янко)²².

Языковые модели ЧР.

Языковые модели ЧР имеют достаточно подробный опыт описания, представленный грамматическим подходом. Различия классификаций касаются, главным образом, состава конструкций с чужой речью (КЧР). Грамматическая изученность основных способов передачи ЧР делают излишней постановку задачи отдельного описания всех языковых моделей ЧР; такая задача скорее

должна носить прикладной, методический характер. В данном же случае важным является выделение оснований для отнесения тех или иных способов передачи ЧР к языковым моделям, самих принципов такого отнесения или неотнесения.

Наиболее существенным собственно языковым признаком системы ЧР как особой, самостоятельной сферы языка является наличие у нее конструкции, форма которой прямо предназначена для реализации отношений «свое — чужое» и передачи ЧР. Важно именно то, что для такой конструкции функция передачи ЧР является первичной, а форма не совпадает с какими-либо другими типами синтаксических структур. Факт формирования в истории языка КПр, не сводимой к системе монополипредикативных конструкций или к какой-либо другой системе, но задающей собственную сферу языковой структуры и семантики, придает самой понятийной оппозиции «свое / чужое» статус одной из наиболее важных категорий языкового сознания человека.

Синтаксические языковые модели связаны с приспособлением и выработкой устойчивых синтаксических структур, актуализирующих границу «своего / чужого» и служащих способами передачи ЧР. *Содержательная задача* такого рода конструкций связана с формированием соответствующих категориальных значений, выражаемых на основе действия *принципа* субъектно-предикатных отношений и образующих *формы* структурно-семантических моделей.

Общим, и в то же время специфическим признаком для синтаксических моделей ЧР, является наличие как минимум двух субъектно-предикатных центров, маркированных отношениями «свое / чужое», где «свое» так относится

к «чужому», как вводящий метатекстовый компонент относится к вводимому текстовому компоненту. Данные отношения в структуре вводящего КПП отмечены 1) лексемой, обозначающей речевое / ментальное / коммуникативное (*подхватить, поддержать, услышать* и т. п.) действие, а также 2) отсутствием лексико-семантических, денотативно-референциальных, пропозициональных маркеров вводимого (возможных ограничителей содержания «чужого») как собственно «текстовой» характеристикой в отношениях «метатекст — текст».

Различие между основными способами передачи ЧР — прямой и косвенной речью — связано с различным характером отношений между субъектными сферами «своего» и «чужого» (S-1 — S-2), что не раз описывалось подробно. Наиболее ярко смена организации субъектных сфер проявляется в случае «перволичной» (субъект вводимого — 1-е лицо) ЧР: если в КПП S-1 и S-2, имея единого референта, принципиальным образом не совпадают грамматически, а их тождество (при передаче автором собственной речи) является частным случаем организации субъектных отношений данного же типа, то в конструкции с косвенной речью (ККР) S-1 и S-2 грамматически тождественны. Способы передачи ЧР связаны с обозначением границ речевых сфер; представляется, что в категориальной паре «*Кто Говорит*» именно первый компонент является наиболее существенным. Неслучайно предикат с семантикой говорения может на равных заменяться самыми разнообразными лексико-семантическими разновидностями, вплоть до его опущения, тогда как то, *кому* принадлежит говорение, должно быть обозначено с обязательностью, ср. оформление драматического текста. Данное замечание связано также

с тем, что описание грамматики ЧР концентрируется, главным образом, на предикативном компоненте КЧР. Категория субъекта, референциально, семантически, грамматически и прагматически управляющая отношениями «своего / чужого», выступает важнейшей по отношению к типологическим характеристикам ЧР. КПП обладает наибольшей свободой в комбинации S-1 и S-2 (сочетания 1–3-го лица в них не являются взаимообусловленными грамматически, а определяются референциально) и отсутствием какой-либо маркированности вводимого; в конструкции с косвенной речью (при сохранении двух самостоятельных субъектно-предикатных центров) происходит референциальное (в пределах «перволичной» ЧР) обуславливание форм лица субъекта (S-1 (1-е л.) — S-2 (1-е л.); S-1 (2-е л.) — S-2 (2-е л.); S-1 (3-е л.) — S-2 (3-е л.)), то есть по сравнению с КПП ограничение свободы в комбинации S-1 и S-2 проявляется в маркированности вводимого, а именно — его субъектного компонента; в конструкции с тематической речью происходит формирование единого субъектно-предикатного центра и полное отождествление S-1 и S-2.

Ведущий структурный принцип организации ЧР и перехода от ее ядра к периферии действует уже в пределах отношений прямой — косвенной речи, дифференцируя их грамматический статус. В еще большей мере проявление данного принципа наблюдается в организации тематической речи и КЧР с вводным компонентом (КВК). Их отличительной особенностью является формирование единого для «своего» и «чужого» субъектно-предикатного центра, в силу чего структурно и семантически «свое» или «чужое» оказываются свернутыми: в тематической речи — вводи-

мое, в КВК — вводящее [и требуют для их выделенности дополнительной функциональной поддержки, что регулярно и происходит в устной речи с помощью интонации, в письменной речи — пунктуационно (например, использование кавычек при тематической речи в научном стиле)]. Формирование единого субъектного центра в определенной мере демонстрирует уже ККР, что сближает ее с данными конструкциями, однако, в отличие от них, ККР характеризуется сохранением грамматических границ вводящего и вводимого: наличием двух самостоятельных предикативных центров и их соотносительностью со «своим» и «чужим», а также их позиционно однозначной закрепленностью.

Из двух данных конструкций (с тематической речью и вводным компонентом) первая обладает большей грамматикализованностью: ее языковую форму составляет модель простого предложения, с обязательностью включающая, помимо субъекта речи и предиката с семантикой речевого / ментального действия, особый тип синтаксемы — разновидность делибератива, к которому относятся семантические разновидности формы предложного падежа с предлогом «о / об»²³.

КЧР с вводным компонентом (*говорят, как утверждает, как сообщили* и т. п.), являясь морфолого-синтаксическими образованиями, в современном русском языке формируются как специфические языковые модели ЧР. Вводный компонент, функционирующий в КЧР, будучи «вводным предложением» — производным от вводящих форм КЧР, характеризуется признаками вторичной предикации. Находясь в процессе формирования, данные конструкции наряду с другими морфолого-грамматическими показателями ЧР составляют в плане

признаков языковой модели периферию поля ЧР. Их грамматическая периферийность «компенсируется» в плане прагматическом: на гибкость функционирования грамматически периферийных показателей ЧР и их высокий коммуникативный потенциал указывается в работах Е. В. Падучевой, Н. Д. Арутюновой и др.^{24, 25}.

В связи с языковыми моделями ЧР можно назвать и такие синтаксические конструкции, которые потенциально могут претендовать на будущий статус собственно синтаксических языковых моделей ЧР. Такой потенциал составляют, во-первых, конструкции-медиаторы (*Не только..., / но и...; Если..., / то...; Не..., / а...*) и, во-вторых, некоторые «бессоюзные разновидности двукомпонентных построений с НСПР», описываемых в работе Г. М. Чумакова²⁶.

Языковые явления, характеризующиеся признаками периферийности / становления в системе современного русского языка, в своем функционировании поддерживаются текстовыми / речевыми средствами. Названные формы, приспособляющиеся для выражения отношений «свое / чужое», регулярно выполняют эту функцию в пределах текстовых форм (ССЦ), а также активно поддерживаются интонационными рисунками и пунктуационными средствами.

В заключение еще раз подчеркнем, что в современных работах по лингвистике чужой речи представлены, прежде всего, факты языкового уровня и практически отсутствует описание фактов текста и речи, точнее, сами данные феномены не выделяются как таковые. Однако, как было показано, формы передачи ЧР, будучи достаточно разнородными, обладают языковым, речевым и текстовым статусом, образуя системные отношения. Дальнейшего теоретическо-

го осмысления заслуживает сама *взаимосвязь, взаимодействие* трех самостоятельных подсистем, трех центров ЧР —

языкового, речевого и текстового — по отношению к единству соотнесенного с ними реального речевого континуума.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Руднев В. П. Словарь культуры 20 века. М., 1997. С. 142–144, 305–308.
- ² Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 95.
- ³ Норман Б. Ю. Основы языкознания. Минск, 1996. С. 96.
- ⁴ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 144.
- ⁵ Слюсарева Н. А. О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию // Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. С. 7–28.
- ⁶ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1996. С. 43.
- ⁷ Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 148.
- ⁸ Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 392–411.
- ⁹ Дьмарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. — СПб., 1999. С. 64–80.
- ¹⁰ Там же. С. 118.
- ¹¹ Там же. С. 105–119.
- ¹² Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 23–25.
- ¹³ Дьмарский М. Я. Указ. изд. С. 73.
- ¹⁴ Там же. С. 79.
- ¹⁵ Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975. С. 55.
- ¹⁶ Ильенко С. Г. Указ. изд. С. 383–385; 393–395; 443–444.
- ¹⁷ Дьмарский М. Я. Указ. изд. С. 107.
- ¹⁸ Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и др. Т. 2: Синтаксис. М., 1980. С. 230.
- ¹⁹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 574–583.
- ²⁰ Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи. М., 2000.
- ²¹ Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.
- ²² Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- ²³ Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М., 1988. С. 336–337.
- ²⁴ Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- ²⁵ Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке: Сб. ст. М., 2000. С. 437–449.
- ²⁶ Чумаков Г. М. Указ. изд. С. 96–97.

N. Maksimova

ON DIFFERENT FORMS OF CONVEYING OTHER PERSON'S SPEECH AND THEIR LANGUAGE, SPEECH AND TEXT STATUS

The correlation «language — speech — text» in connection with the genesis of the notional pair «language — speech» on the one hand, and with the concrete ways of conveying other person's speech, on the other hand. A four component model is described as a fundamental one, reflecting the basis of the correlation between reality of speech continuum and linguistic components of the language, speech and text. A system creating opposition of the «reality of action» and of the «actuality of thinking» is regarded as a methodological one. The definition of the linguistic, speech and textual status of the ways of conveying other person's speech is given through of mutual correlation of three basic parameters: an individual informative task of each sphere, the main principle of its realization, a specific model of the typical form of other person's speech.